

*Нагорная В.А.,
г. Челябинск*

«ИСТОРИЯ УРАЛА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА...» – ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

В декабрьском номере журнала «Урал» за 1989г. была описана рабочая дискуссия между литераторами и историками Урала. Название встречи тоже было рабочим «История Урала – известная и неизвестная». Данная дискуссия была организована с целью биллетризировать историю Урала, ярким красочным языком отобразить значимые моменты истории нашего региона.

Валерий Исхаков писал в своей статье «Редкая птица долетит до середины Исети...». Мой однокурсник по литературному институту устроил мне экскурсию по местам «Мастера и Маргариты» в Москве. Вот здесь Берлиоз попал под трамвай, тут, в этом особнячке жила Маргарита, а тут... Или занимательная такая прогулочка от дома Раскольниковова до квартиры старухи-процентщицы – в Петербурге уже разумеется. А «Невский проспект?» Не тот реальный, что в городе на Неве, а мистический, загадочный, блистающий Невский проспект писателя Гоголя. Где, в каких краях, в каких измерениях он прилег? Кто бродит по нему до сих пор? Башмачкин, Раскольников, Рогожин, Онегин...

А кто бродит по нашему главному проспекту? Чья великая тень хоть раз да мелькнула на нем, кто оставил свой вечный литературный след? И куда не явится наш собственный Гоголь, Достоевский или Булгаков (пусть даже на худой конец – Андрей Белый с его зануднейшим «Петербургом» и не воспевает наш чугунно-литейный край, никто в читающем мире не будет знать об его существовании, и мы жители Екатеринбурга, Челябинска, Магнитки будем ходить по неописанным улицам, не видя их, не понимая, как замечательно, например, мостик в Историческом сквере Екатеринбурга подходит для того, чтобы с него бросилась в Исеть какая-то новая Лиза, не дождавшаяся своего Германа.

Так что было бы здорово, если совместили усилиями братьев писателей удастся выстроить мостик между реальностью и вымыслом. Если выходя из трамвая, мы вдруг окажемся не на площади, а внутри романа, а дочитав последнюю страницу повести увидим перед собой до боли знакомый подъезд родного дома. Что пишут писатели: прозу или географию? Поэзию или историю? И то и другое господа, и то другое. И пусть пока это не очень получается, но почему то хочется верить что однажды Яков Свердлов соскочит с пьедестала и помчится по главному проспекту на манер Медного всадника, грохоча сапогами по брусчатке площади 1905 года – «и возникнет град Екатеринбург, раскрытый на любимой странице, как книга...»

Главный редактор «Урала» В.П. Лукьянин начал дискуссию о прецедентном росте интереса к истории в нашем обществе, мы хотим сегодня достоверно знать, кто мы, откуда мы пошли, что уже случилось с нашим народом на его долгом пути и сколь органичны для него преобразования, оплаченные столь огромными жертвами и лишениями.

Интерес к истории своего народа и истории страны находит естественное продолжение в интересе к истории своего региона. Тем более такого, как наш Урал, где все перипетии отечественной истории проявились не только наглядно, но и, пожалуй, с особенным драматизмом: здесь труднее складывались отношения человека с неласковой природой, здесь было положено начало пространственному росту Российской империи, здесь зарождался российский промышленный капитализм. Ранний послеоктябрьский период империи памятен в нашем крае и легендарным походом Блюхера, и до недавнего времени неподлежавшей широкой огласке Ишимским крестьянским восстанием (впервые правду о нем рассказал К.Я. Лагунов в очерке «Двадцать первый» (см. «Урал», 1989, №5, 6). «Год великого перелома проявился на Урале не только подрывом исконной связи крепкого хозяина (а именно таким был в подавляющем большинстве уральский крестьянин) с землей, но и тем, что здесь же – в северных районах региона – начинали свою новую жизнь кулаки и «кулаки», высланные из многих других районов страны.

Урал последующих десятилетий – это Магнитка и Уралмаш, это край землеустроителя Леонида Брежнева – будущего генерального секретаря, это фронтовые бригады в военном тылу и уральские танковые бригады на фронтах Великой Отечественной.

Уральская история представляется необыкновенно увлекательной, ибо она, выражаясь языком литературной теории, остросюжетна. И в редакцию журнала идут такие материалы как воспоминания комиссара Яковлева «Последний рейс Романовых» с обстоятельным научным комментарием историка Г. Иоффе, очерк Льва Санина «Трагедия в уральской деревне» или упомянутый «Двадцать первый» К. Лагунова, уже не говоря о рубрике «Уральская мозаика».

Однако с некоторых пор мы начали ощущать, что вот таких – фрагментарных, хронологически друг с другом не увязанных, разномасштабных публикаций становится недостаточно. Как известно, пересмотрев свое историческое прошлое, расставив акценты на событиях значимых, мы можем поправить вектор будущего в другую сторону. Ведь наше будущее рождается нашим прошлым, и хотя подчас очень боязненно перетряхивать его архивы, но это необходимо ведь именно в прошлом опыте закопаны алмазики, ведущие нас к будущим победам и триумфам.

Помнить свою историю, переосмыслить ее. «Выгоняя из подсознания психотравмирующие моменты мы освобождаем массу творческой энергии, которая способствовала в нашей психике болезненным переживаниям,» – рассуждает в своей работе «Ключ к будущему» академик Сельченков. Не то ли же самое происходит с нашим социумом. Ведь система психики одного человека находит отражение в системе работы всего общественного сознания в целом.

Таким образом, расставляя акценты в иных значимых местах мы перенаправляем вектор развития истории нашего общества в целом! Таков закон системы.

«Редакция «Урала» задумала создать такой рассказ,» – продолжает главный редактор Лукьянин – «о прошлом нашего края, где бы соображения исторической неизбежности или «покоренных интересов», пусть даже самого прогрессивного класса не заслоняли бы общечеловеческих понятий правды, добра, справедливости». Он обращается к писателям с данной идеей как к людям с продолжительно-обостренным нравственным чувством, выразителям «сокровенной думы всего общества», речь идет не об историческом факультативе для любителей, а о школе гражданственности и гуманизма для всех. Очень важно рассказать о разных периодах истории края – живо, предметно с выдумкой. Но тут же будут публиковаться и тексты подлинных документов, фрагменты научных работ, комментарии историков.

Писатели согласились с мнением редактора и отметили, что история подогнанная под шаблоны и трафареты все громче трещит по швам, но чтобы переломать огромный исторический материал, выстроить его в свете истин открывшихся в перестроичную эпоху надо обратиться к архивам, и создать биллетризованную историю для широкого читателя, воспринимающего исторические истины через художественное слово – это огромный творческий подвиг.

«России везло на историков», – отмечает писатель Николай Никонов – «но не везло на литераторов-историков. Сочинения самых известных историографов – Карамзина и Соловьева приходится насильно вталкивать в себя. Разве что Ключевский может поспорить по части простоты и ясности, литературности изложения». Работая учителем истории в школе, Никонов столкнулся с поразительным равнодушием учеников к истории Урала, а равнодушие это шло от псевдо-исторических учебников, от содержащейся в них лжи, от их суконного языка.

Поэтому, если мы хотим, чтоб задуманная история воспринималась читателем с интересом, она должна быть не только нравственной, но и беллетризованной, написанной хорошим мастером.

Обратимся еще раз к работе Сельченка «Ключ к будущему». Истина и красота близнецы-братья. Истинное всегда красиво, его не подменить ложью. Видимо суконный язык и отсутствие интереса к материалу – это именно те механизмы системы, которые оберегают сознание молодых людей нового поколения от фальсифицированной информации. Не находит отклика в их информационном поле, таким образом, предохраняя от разрушительного действия и развития программы в сторону негативного исхода ситуационной активности.

История подошла к такому рубежу, что она не может не только объяснять прошлое, но и в определенной степени прогнозировать будущее, определять методы движения в завтрашний день. «Многие ли, к примеру, знают, что такое экстраполяционная прогностика?» – говорит А. Бакунин. В США она развивается весьма энергично. Американские историки изучают, например, опыт государственного управления в средневековой Оттоманской империи. Спросите: зачем? Чтобы применять его в отношениях с рядом развивающихся азиатских стран.

Итак, задумывая общую большую работу историков и литераторов, авторы ставили перед собой две задачи:

- 1) раскрыть уникальный опыт Урала, где в классической форме осуществляется сочетание региональных и государственных интересов;
- 2) воспитание исторического сознания, исторического мышления личности.

«В конце 70-х годов», – пишет историк Н. Попов– «мне в Уральском университете, где я работал, мягко говоря, не рекомендовали публиковать популярные очерки в средствах массовой информации, в том числе и в журнале «Урал». Пришлось прибегать к помощи псевдонимов. Историкам не давали возможности доносить до широкого круга читателя результаты своих исследований, т.е. внедрять их в практику, формировать историческое сознание общества. А у каждого опытного историка есть материал, который не смог опубликовать в недавние годы, но которые будут сегодня работать на новое мышление».

Историк К. Лагунов согласен с тем, что наши архивы чрезвычайно мало исследованы специалистами. В Тюмени, например, освоено менее 0,5% архивных материалов, находящихся в открытых фондах (ситуация конца 80-х), а знаменитый Тобольский архив лежит по сути нетронутым. Надо расширять круг авторов за счет музейных работников, архивистов, краеведов.

Узкий акцент на историю края был связан с изучением истории через призму классовой борьбы. За бортом истории в 70-х, 80-х остался сам человек с его страстями, интересами и взлетами. Создав подробную хронику классовой борьбы, историки, однако не сочли необходимым выяснить динамику численности населения региона на разных этапах его развития. Нет ясного представления о рождаемости, смертности, миграционных процессах. А ведь все это – основные категории исторической демографии, без них немыслима история края.

Историки предложили в заключении дискуссии, что необходимы высокопрофессиональные коллективы историков, работающих по единой программе. Так профессор Алексеев отметил, что такая программа «Исторический опыт регионального развития» впервые создана в Уральском институте. А такие историки и писатели обратились к неутомимому племени краеведов, у которых в запасе есть два-три факта, способных придать остроту и живость повествования.

Таким образом, конец 80-х – это время пересмотра фактических материалов истории региона в свете открывающихся новых архивных знаний – время пересмотра ценностных ориентаций в свете объективного взгляда на историческое прошлое нашего народа.